

Люди боятся демократии

Дмитрий Фурман

Дмитрий Фурман — политолог, историк, религиовед, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук

■ *Как вам кажется, есть ли внутри политической элиты группы, которые можно было бы назвать реакционными, то есть препятствующими прогрессивному развитию?*

Я не думаю, что есть какие-то большие и сильные группы, которые придерживаются четко оформленных реакционных взглядов. Не думаю, что у них есть какая-то сформулированная четкая концепция. Но что есть? Есть не другая идеология, не другие идеи, а есть инстинкты. Чисто теоретически люди, в общем, понимают необходимость демократии. У нас очень мало найдется людей, которые скажут, что демократия не нужна. И даже те, кто говорит, что она не нужна, не могут точно сказать, а что нужно. Но у некоторых людей есть абсолютная психологическая неспособность жить в условиях демократии, есть страх демократии, есть вообще страх перемен и всего нового. Когда люди пытаются вербализировать этот комплекс чувств и инстинктов, они вербализуют его по-разному. Возникают самые разные причудливые концепции и идеи. Но дело не в идеях.

У нас нет законченных, ясных реакционных идеологий. Но у нас есть законченная и ясная реакционная психология.

■ *Реакционеры — это те, кто следует инстинктам, а не разуму?*

Нет, я бы так не сказал. Это люди, которые следуют выработанным на протяжении нашей истории недемократическим привычкам и инстинктам. Для России демократия — это нечто пока еще не реализованное, и люди ее просто боятся. Они просто не представляют, а как это так. Теоретически они понимают, что демократия — это вроде бы хорошо, это вроде бы нужно, но они ее боятся.

■ *Есть ли какие-то публичные деятели, выражающие такую реакционную позицию?*

Их полным-полно. Это даже не какие-то отдельные деятели, это большинство правящей элиты. Все они теоретически говорят, что да, демократия — это хорошо, это нужно. Но как только на горизонте маячат цветные революции, они же начинают говорить: это большая угроза для нас и так далее. Как только оживляется оппозиция, тут же возникает страх, что это дестабилизирует ситуацию, что вдруг все выйдет из-под контроля. Стремление все зажать мотивируется не какой-то ясной идеей, не альтернативной идеологией, фашистской или коммунистической, но страхами, нежеланием терять свое положение, нежеланием уходить из привычного для себя мира недемократической бюрократической вертикали.

■ *Означает ли это, что инициатива сейчас на стороне реакции, а не прогресса?*

Нет, не означает. Потому что реакционные инстинкты, с одной стороны, очень сильны, они все время вновь и вновь воспроизводятся, а с другой стороны, они достаточно слабы, так как им очень трудно противостоять группе, име-

ющей ясную программу. Тем более если эта группа близка к власти или находится у власти. Я думаю, что сопротивление прогрессивным реформам, которые теоретически могут исходить от Медведева, будет очень сильным. Но это будет не сопротивление партии, идущее против партии, против программы, а сопротивление на тысяче мест, где осуществляются реформы, сопротивление каждого отдельного чиновника. **Это сопротивление ваты, а не сопротивление противодействующей силы.** Это сопротивление, способное съесть любую прогрессистскую программу, любые прогрессистские реформы.

■ *А насколько естественна такая ситуация? Есть ли здесь российская специфика?*

Да, это именно естественно возникающее сопротивление. И конечно, у России есть своя особая специфика. Ее специфика в том, что сопротивление демократии в России гораздо больше, чем в других странах. Есть особенности российской культуры. Россия — это единственная страна, во всяком случае в Европе, которая вообще не имела демократического опыта. Вся история России — это история разных сменявших друг друга авторитарных режимов. Поэтому страх демократии и сопротивление демократии у нас, естественно, значительно больше, чем в странах Центральной Европы, которые все-таки прошли через какие-то демократические периоды. И вот эта сила, этот страх, страх непривычного, страх нового, он в громадной степени способствовал тому, что, несмотря на провозглашенные в 1990–1991 годы демократические идеалы и принципы, развитие пошло не по демократическому пути. Этот же страх и эти же привычки вновь препятствуют любым новым попыткам демократических реформ. ■

Ксения Колкунова специально для Ярославского Форума